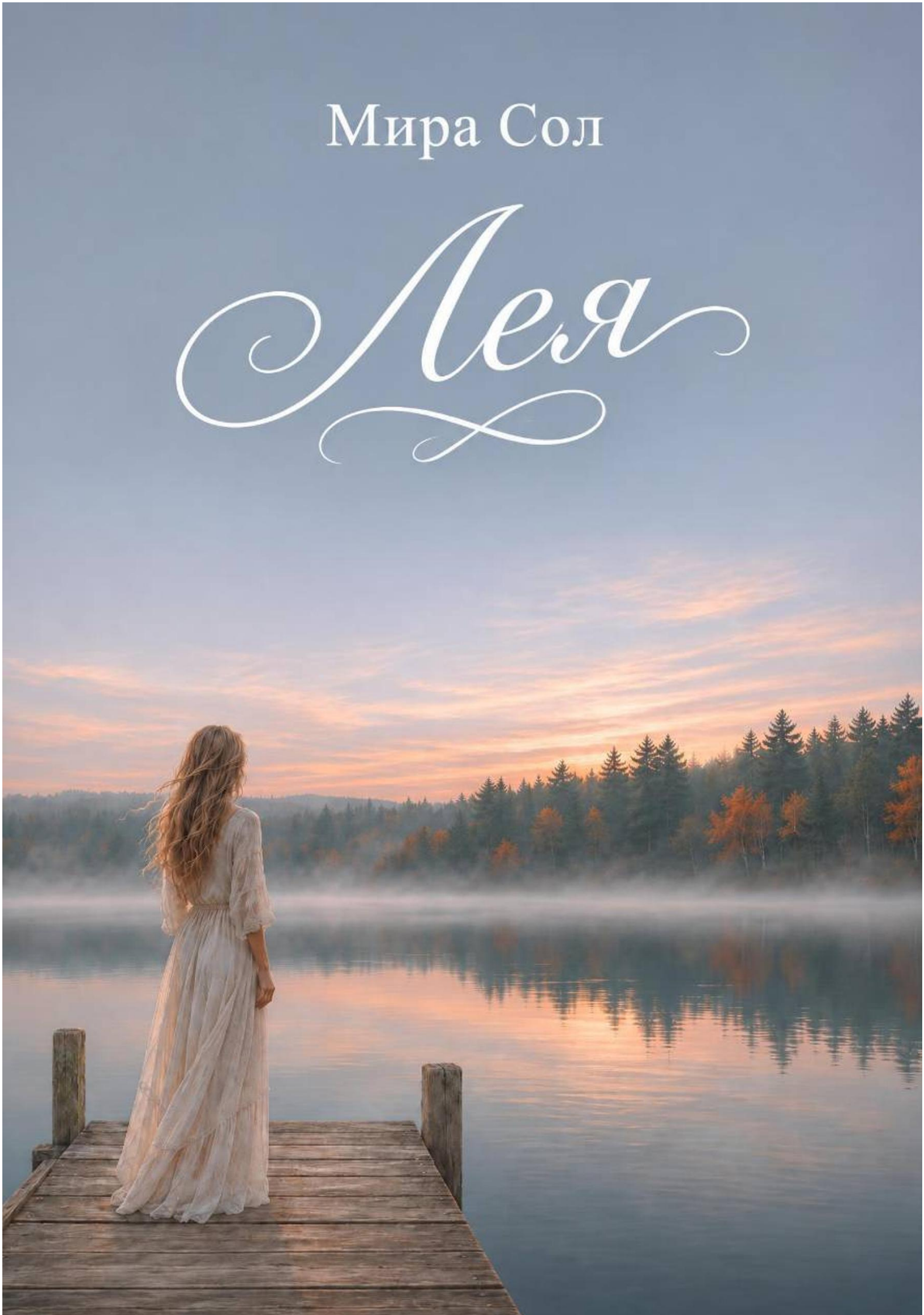
Мира Сол

Леля

Мира Сол

Лея

«Автор»
2026

Сол М.

Лея / М. Сол — «Автор», 2026

Билли каждое лето приезжает на тихое озеро, где знает каждую тропинку и каждый камень у воды. Однажды по соседству поселяются новые гости, и среди них — Лея. Танцовщица, которая привыкла к большим сценам и к тому, что на неё смотрят. Здесь на неё не смотрит никто, кроме Билли, и это пугает её сильнее любых аплодисментов.Между ними начинается медленное сближение: разговоры до рассвета, поездки на лодке, первые ссоры и первые признания. Но у каждого есть своя тайна и своя боль. Лея боится потерять себя в чужом берегу. Билли боится, что молчание, которым он привык защищаться, однажды окажется сильнее его любви.Годы разлуки, письма, которые не отправлены, и новая встреча проверят, на что способно их чувство. Их история — о сцене и тишине, о людях, которые учат друг друга говорить вслух, и о доме, который можно построить заново, если хватит смелости вернуться.Тихий роман о памяти, озере и любви, которая не требует обещаний, но требует выбора.

© Сол М., 2026
© Автор, 2026

Мира Сол
Лея

ЛЕЯ
роман
«Иметь силу выбрать то, что тебе по душе,

и не отступаться. Иначе лучше умереть»

СОДЕРЖАНИЕ
Часть первая. ОЗЕРО
1. Дорога
2. Мой берег
3. Новые соседи
4. Дом
5. Мама
6. Отец
7. Как я дал ей имя
Часть вторая. ОГОНЬ
8. Уголок рая
9. Лев
10. Огонь
11. Неделя
12. Утро, которое я запомнил
13. Понедельник: её мир
14. Вторник: малина
15. Среда: дождь
16. Четверг: про бабушку
17. Пятница: он
18. Суббота: праздник
Часть третья. ХОЛОД
19. Холод
20. Крыльцо
21. Камин
22. Она уехала
Часть четвёртая. ГОДЫ
23. Письма, которых не было
24. То, что она сказала
25. Осень
26. Быт
Часть пятая. ОНА ЗОВЁТ
27. Германия
28. Тот же берег, другой человек
29. Комната на четвёртом этаже
30. О том, как она сломалась
31. Что стало потом
32. Соль

33. Вид на озеро
34. Голос
Часть шестая. ЗНАКОМАЯ ВОДА
35. Дом у воды
36. Мама приезжает
37. Девочки из посёлка
38. Звонок
39. Озеро в апреле
40. Предложение
41. Молчание
42. Крыльцо
43. Возвращение
44. Майские гости
45. Письмо от неё
46. Лодка
Часть седьмая. ДОМ
47. Снег на озере
48. Девочка в сапогах
49. Свадьба на мостках
50. Утро, в котором ничего не нужно
Часть восьмая. ВОЗВРАЩЕНИЕ
51. Звонок ночью
52. Больница
53. Операция
54. Шарф

ЛЕЯ

. . .

От автора

Этот рассказ я пишу для тебя.

Я пробовал сказать всё это вслух — и каждый раз слова выходили меньше того, что я чувствовал, глядя тебе в глаза. А написанное остаётся. Его можно перечитать через год, через десять, когда память начнёт подводить и унесёт с собой запах хвои и цвет твоего платья в то утро.

Люди устроены так, что помнят прежде всего плохое: обиды оставляют шрамы, а хорошее проходит, как тёплый день — был и нет. Я не хочу, чтобы так вышло с нами. Поэтому я записываю всё: и то, как мы смеялись, и то, как я тебя потерял, и то, как ты вернулась.

Читай медленно. Пусть это будет нашим местом, куда никто больше не войдёт.

. . .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОЗЕРО

Глава 1. Дорога

Я приехал туда в последних числах июня, когда горы ещё держали в себе холод, а озеро по утрам дышало паром — густым, белым, похожим на разлитое молоко.

Дорога вилась серпантином между сосен. Справа был обрыв, слева — стена стволов, и в какой-то момент мне показалось, что я попал внутрь чужой фотографии, которую видел когда-то краем глаза и забыл.

Нам было двадцать часов пути в общей сложности, если считать остановки. Отец вёл машину и молчал так, как он умел молчать только за рулём — сосредоточенно, сжав руль обеими руками, будто где-то впереди его ждала операция, а не двухнедельный отдых. Мама на заднем сиденье перекладывала с места на место пакет с едой и время от времени говорила:

— Ну и жара. Ты посмотри, какая жара. А ты говорил, куртку брать.

— Я говорил, что вечером будет холодно, — отвечал отец, не поворачивая головы. — И вечером будет холодно.

— Вот вечером и наденем.

Я сидел впереди и смотрел в окно. Мы ездили сюда каждый год, сколько я себя помню. Сначала маленьким, когда озеро казалось мне морем, а лес — целой страной, куда взрослым вход воспрещён. Потом подростком, когда мне было стыдно за то, что я всё ещё радуюсь поездке, как ребёнок. Теперь вот так — двадцатидвухлетним, с аттестатом на заднем сиденье и с ощущением, что жизнь почему-то должна уже начаться, а она всё не начинается.

Дорога пошла вниз, деревья расступились, и я увидел воду.

Она лежала внизу, огромная и ровная, светлая до того, что было больно смотреть. В ней отражались горы, сосны, куски неба и облака, которые плыли по небу так медленно, что казались нарисованными.

— Вот она, — сказала мама, и в голосе у неё было столько удовольствия, будто она сама её сделала. — Ну, наконец-то.

Городок начался сразу за поворотом. Десятка три домов, разбросанных по берегу среди сосен — все разные, все деревянные, с тёмными крышами и крылечками, на которых обязательно что-нибудь стояло: самовар, велосипед, пустое ведро, чьи-то резиновые сапоги, забытые и выцветшие до белизны. Над одним домом вилась тонкая струйка дыма.

Мы вкатили на гравийную дорожку, и двигатель смолк. И тогда стало по-настоящему тихо.

Так тихо, что я услышал, как в кустах у забора кто-то возится — маленький, озабоченный, явно очень занятый своими делами. Так тихо, что звон в ушах, который я таскал за собой весь последний год — тот самый городской звон, от которого не помогают ни наушники, ни вода, — вдруг пропал.

Я вышел из машины и потянулся. Воздух был прохладный и плотный. Пахло хвоей, влажной землёй и чем-то ещё, отдалённо съестным. Трава под ногами оказалась мокрая от росы, хотя было уже около одиннадцати.

Дом, который мы снимали, стоял у самой воды. Тёмное дерево, низкая веранда, два окна, выходившие на озеро. На перилах — горшок с геранью, у которой кто-то обрывал нижние листья, наверное, ребёнок или просто человек, которому нечем было заняться.

Я поднялся на веранду, и доски отозвались под ногами глухим, спокойным звуком.

Внутри было темно и хорошо. Низкий потолок, тёмные балки, полки с посудой, у которой был тот особый вид, будто ею пользовались каждый день много лет и никогда не жалели. На полу ковёр с крупным узором, местами протёртый. На стене — большая картина: рыба, написанная маслом грубо, но с такой наивной любовью, что я потом долго не мог понять, нравится она мне или нет.

Я понёс вещи в комнату — вторую от веранды, маленькую, с узкой кроватью под серым пледом и с окном, из которого было видно воду.

Поставил сумку на пол, открыл створку, и в комнату сразу вошло всё: холод, запах воды, крик какой-то птицы, далёкий стук.

Озеро лежало передо мной, круглое, огромное и совершенно спокойное.

Я не сразу заметил, что стою и смотрю на него минуты три.

А потом заметил другое.

. . .

У самой воды, по колено в ней, стояла девушка.

Она была в белом платье — в лёгком, летящем, с широкой юбкой, которую она подобрала и зажала в кулаке, чтобы не намокла. Волосы, светлые, густые и волнистые, падали ей на лицо, и она сердито отбрасывала их свободной рукой, и они всё равно возвращались. Она стояла спиной ко мне и медленно шла вдоль берега, глядя вниз, в воду, будто что-то там искала.

Она была босиком. Туфли её стояли на песке далеко друг от друга, будто она их бросила в спешке.

Я хотел отойти от окна. Правда, хотел.

Она наклонилась, что-то подняла из воды — кажется, камень, — рассмотрела и бросила обратно, разочарованно, как бросают надоевшую мысль. Брызги полетели в стороны, и она от этого сама вздрогнула и рассмеялась — коротко, громко, в тишине утра.

И этот смех я услышал через закрытое окно.

Она обернулась через плечо, ещё не зная, куда смотреть, с этим камнем в руке, с мокрым подолом, и в это мгновение я увидел её лицо.

Я не знаю, как это описать, чтобы вы поняли. Обычно, когда видишь красивое лицо, ты сначала отмечаешь черты — глаза, нос, рот, — а потом уже чувствуешь. Тут было не так. Тут сначала стало тихо внутри, а потом я разглядел всё остальное.

Глаза. У неё были удивительные глаза — голубые, прозрачные, как эта самая вода внизу, светлые до того, что казались сияющими. И в них была такая спокойная доброта, что мне стало стыдно стоять наверху и смотреть вот так, с расстояния.

Она была немного ниже меня ростом, тоненькая, с аккуратными плечиками. Платье плотно облегало её в талии, а внизу свободно развевалось на ветру, и из-под подола виднелись босые ноги. Губы у неё были маленькие и пухлые, и я поймал себя на мысли, что гадать об этом не стоит, потому что такое создано не для меня.

Она подняла голову к окну. И увидела меня.

Не знаю, что было у меня на лице. Наверное, что-то глупое, потому что она посмотрела на меня секунды две, а потом отвернулась — спокойно, без всякого интереса, — вышла из воды, подобрала туфли и пошла не к дому, а в другую сторону, к соснам.

А я остался стоять у окна, и в комнате стало как-то слишком тихо.

Потом поймал себя на том, что улыбаюсь в пустую стену, и одёрнул себя. Это было смешно. Мне двадцать два, я взрослый человек с дипломом, и я стою у окна в чужом доме и улыбаюсь, потому что увидел, как девушка моет ноги в озере.

Я сел на кровать. Плед подо мной пах пылью и солнцем. Достал телефон, увидел, что связи почти нет, и это почему-то обрадовало.

За окном женский голос крикнул:

— Лея! Вода холодная, ты что, совсем!

И прилетел ответ, издалека, но отчётливо:

— Мне нормально!

Голос был низкий, чуть хрипловатый. Не такой, как я представлял.

— Лея, — сказал я вслух, чтобы попробовать.

Получилось хорошо.

Глава 2. Мой берег

Меня зовут Билли.

Обычно на этом месте люди ждут ещё пару слов — кто такой, откуда, чем занимается. Я не люблю отвечать на этот вопрос прямо, потому что все ответы будут одновременно правдой и ложью. Скажу только самое нужное.

Я был обычным парнем с одной особенностью: мне всегда было мало того, что снаружи. Тянуло к книгам, к стихам, к разговорам, которые ни к чему не ведут и ничего не решают. К

восемнадцати годам я дошёл до философии и читал её с тем азартом, с каким другие разбирают технику. Что-то внутри меня от этого менялось — тихо, понемногу, но необратимо.

У этого есть обратная сторона, как у всякой монеты. Я полюбил одиночество. Не потому, что не любил людей, а потому, что только наедине с собой можно подойти к самому краю и заглянуть вниз, куда никого с собой не берут. Это тяжело — и это единственный способ не бояться самого себя.

Про скромность скажу заранее: её во мне мало. Доброты и заботы, к моей материнской радости, много.

Отец у меня врач. Он всю жизнь любит свою работу так, как любят не людей, а дело — тихо, без пафоса, каждый день. Много лет он надеялся, что я пойду по его дороге, и в итоге отправил меня учиться на юридический. Наверное, решил, что помогать людям можно и другой рукой. Кровь я видеть не могу, но признаться в этом ему я не смог до сих пор.

Мы ездили в этот городок каждое лето, много лет подряд. Кругом лес, вода, полное отречение от городской суеты. Ели и сосны здесь стоят плотными рядами, стволы у них такие могучие, что их хочется назвать стражами лесного королевства — и они действительно ими были.

Но больше всего я любил озеро.

До него было минут пять от городка. Но если знать одну лесную тропинку — а её знал только я, потому что это была моя маленькая тайна, — можно было выйти на небольшой песчаный пляж, о котором не знал никто. Именно там я проводил больше всего времени. Там было тихо и спокойно, такое чувство, что весь мир замер и остался только я и эта красота.

И больше ничего было не нужно.

Голубая прозрачная гладь, отражавшая всё вокруг, не искажая. Лёгкий, незаметный ветерок, обволакивавший теплом, будто заботившийся обо мне. Вкусный запах хвои. Вода эта гипнотизировала, очищала разум. Она звала погрузиться, слиться с ней, уйти ото всех и возродиться заново — в мире, где нет боли и страданий, где нет зависти и злобы, а есть только доброта и спокойствие.

Той весной мне это было особенно нужно.

За полтора года до этого у меня была история, в которую я верил так, как верят только в первый раз. Она должна была закончиться хорошо — я был в этом уверен так же, как в том, что утром встаёт солнце. Она закончилась иначе: изменой, разочарованием и очень долгим потом, в котором я по крупицам собирал себя с пола.

Меня можно ранить только одним способом — если плюнут внутрь. Всё остальное заживает.

Ключ от моего внутреннего мира может получить не каждый. Только та, которая согреет меня своим вниманием, интересом; та, что приласкает нежностью и доверием. Тогда я открываюсь — и открываю то, что во мне хранится. Я считаю это честным обменом: я отдаю своё сердце и прошу взамен её.

И вот после той истории мне нужно было уединение.

Я помог родителям разложить вещи, сказал, что пойду пройдусь, и вышел из дома.

. . .

Тропинка начиналась за старым колодцем, у которого даже не было ведра. Она шла вниз, между сосен, петляя так, как петляют дорожки, проложенные не человеком, а чьими-то ногами много лет подряд.

Я шёл и чувствовал, как во мне понемногу стихает.

Лес был полон утреннего шума. Птицы стрекотали и пели все разом, где-то шелестела трава, кто-то маленький и озабоченный искал, чем напитаться. Воздух был свежий и бодрящий, и уже чувствовалось, что лето вот-вот наступит по-настоящему. Солнце поднималось над деревьями и пробивалось сквозь них — сказочная картина, будто находишься в другом мире, где не хватает только фей и единорогов для полного счастья.

Я вышел к воде.

Здесь не было ни единой ряби. Вода стояла идеально чистая, и можно было сесть и смотреть, как её жители беззаботно перемещаются туда и сюда. Хотя почему беззаботно? Они живут своей жизнью, которую нам не понять, — тем и отличаются от нас, что не переживают о том, что завтра надо рано вставать. Ими движут только инстинкты.

На самом краю мостков была привязана лодка. Я спустился в неё, отвязал канат и не спеша отчалил.

Вёсла резали воду тихо. Капли падали с них мне на руки, и я не вытирал их. Было, наверное, семь утра — точно не знаю. Солнце приятно грело, тёплый ветерок обволакивал, дыхание стало ровным и глубоким. Я снял куртку и остался в одной рубашке, и чувствовал, как все мышцы напрягаются с каждым новым гребком, и как с каждым вдохом воздух проходит до самого дна лёгких.

Ты будто очищаешься с каждым глотком этого воздуха. Будто перерождаешься. Начинаешь всё с нового листа.

Я отпустил вёсла и дал лодке плыть, куда она захочет. И просто сидел.

Мысли в голове бежали вперемешку, в хаотичном порядке. Только улавливаешь ниточку одной, как начинаешь её терять, и на ум уже приходит другая — и так по кругу, без всякого смысла и результата.

Я вспомнил её. Ту, другую. Как стоял на платформе с букетом, а она не пришла. Как потом не мог выбросить эти цветы, потому что было жалко денег, а когда наконец выбросил, стало хуже, чем когда ждал.

Это не была злость. Это было ощущение, что меня вынули из меня самого, посмотрели и поставили обратно неаккуратно.

Я опустил руку в воду. Холодная — до ломоты в костяшках. Подержал, пока не онемели пальцы.

Потом вытер их о рубашку, взял вёсла и поплыл обратно.

Я привязал лодку, поднялся на мостки и постоял ещё немного, глядя на воду.

Отсюда было видно весь берег: чёрную полосу песка, сосны, подступившие к самой кромке, и наш дом с двумя окнами, в которых отражалось небо. Кто-то ходил по веранде и расставлял что-то на столе. Мама.

Я пошёл к дому.

Внутри у меня было тихо и почти хорошо. Так бывает после того, как долго держишь в себе что-то тяжёлое, а потом выносишь на воздух и видишь, что оно не такое уж и большое. Оно всё ещё было со мной — но уже не во мне целиком.

Я думал о том, что завтра будет ещё одно утро, и ещё одно, и что в этом нет ничего страшного.

Тогда я ещё не знал, что за эти две недели моя жизнь перевернётся так, что я потом буду вспоминать её с точностью до часа.

Глава 3. Новые соседи

Возвращался я медленнее, чем шёл сюда.

Домой я пришёл к обеду и ещё у калитки понял: у нас гости.

Господский стол у нас на веранде никогда не собирался просто так. На нём лежала клетчатая скатерть — та самая, парадная, — и стояла посуда, которую мама доставала три раза в год.

Мама вышла навстречу и, не дав мне войти, сказала:

— Переоденься. Мы идём к соседям на ужин. Те самые, что приехали с дочкой.

— С какой дочкой?

— Сам увидишь, — сказала мама и ушла.

Я переоделся в клетчатую рубашку — единственную приличную, — и мы пошли.

. . .

Соседи сняли дом через два участка от нашего — с синими ставнями и яблоней у крыльца.

Дверь открыл мужчина. Плотный, крепко сбитый, с немного округлым лицом, но по тому, как он стоял — прямо, как в строю, — сразу было видно, что передо мной бывший военный. Когда он кивнул нам, на висках у него проступили вены.

— Проходите, — сказал он. — Жена с утра у плиты.

Его жена оказалась маленькой, быстрой женщиной в тёмном платье с коротким рукавом. Она держала чашку обеими руками и улыбалась так, будто бывала в чужих домах тысячу раз.

— А это мой сынок, — сказала мама и легонько подтолкнула меня в спину. — Знакомься, Билли. Наши новые соседи, приехали на неделю с дочкой…

Она не успела договорить — или я просто перестал слушать.

Потому что в этот момент я увидел её.

Она сидела у окна, и свет падал ей на плечо. На ней было то самое белоснежное воздушное платье: плотно облегающее в талии и у груди, а ниже — свободные, лёгкие концы, открывавшие только ноги до колен. Волосы теперь были высохшие, светлые, и тяжёлые волнистые локоны лежали на плечах.

Милое, аккуратное лицо. Тонкие брови. Маленькие пухлые губы.

Это было загляденье — пока я не встретился с ней глазами.

Мне показалось, что сердце на миг остановилось. Голубые глаза смотрели прямо на меня, и в них было столько доброты и спокойствия, что я не знал, куда деваться. Такое чувство, будто она видит меня насквозь — и того, что утром стоял у окна, тоже.

Я стоял и молчал, пока мама не тряхнула меня за плечо:

— Котик, может, поздороваешься с людьми? Неприлично молчком их изучать.

Все засмеялись. Я извинился за неловкое молчание, и разговор сразу пошёл о городке, о воде, о том, как хорошо, что познакомились.

За ужином она почти не говорила. Только один раз, когда взрослые заспорили о погоде, наклонилась ко мне и тихо спросила:

— Ты здесь давно бываешь?

— Каждое лето. С детства.

— Тогда ты знаешь, куда тут ходить.

— Знаю.

— Покажешь?

— Завтра, — сказал я. — В полдень. Если хочешь.

Она кивнула — серьёзно, будто мы заключили договор.

Мама, проходя за моей спиной с блюдом, шепнула мне на ухо:

— Она с тебя глаз не сводит.

Так было положено начало нашей истории. Я помню этот вечер до сих пор, будто это было вчера.

Глава 4. Дом

Дом, в котором мы жили, стоял у самой воды и был старше всех нас вместе взятых.

Я знал его наизусть: три ступеньки веранды, третья скрипит; низкая дверь, которую надо приподнимать плечом, если на улице сыро; коридор с крючками для верхней одежды, где всегда висело чужое пальто; комната родителей за стеной, где по ночам глухо говорило радио.

Моя комната была второй от веранды.

Узкая кровать, серый плед, полка с тремя чужими книгами и лампой. Окно, которое открывалось с усилием — рама разбухла от влаги. И картина напротив кровати: лев, написанный маслом.

Я вырос с этой картиной. В детстве я боялся его — мне казалось, он смотрит. Потом привык. Потом перестал замечать, и это, наверное, самое печальное, что бывает с вещами, которые висят на стене слишком долго.

Лея заметила его в первый же вечер.

. . .

Веранда была главным местом.

На ней стоял длинный стол, за которым могли сесть восемь человек, и по утрам на нём всегда оказывалось что-нибудь съедобное: хлеб, масло, вчерашние пироги, варенье в открытой банке. Мама не считала нужным накрывать красиво — она считала нужным накрывать плотно.

Отсюда было видно озеро.

Оно было в пяти минутах ходьбы — если знать тропинку. Через лес. Через сосны, которые стояли так плотно, что в солнечный день под ними было темно, как в комнате с опущенными шторами.

Я знал эту тропинку с семи лет.

Знал, где она раздваивается и какая ветка выводит к воде. Знал, у какого дерева можно сесть на корни, чтобы не намочить штаны. Знал, что если идти в дождь, земля на середине пути становится скользкой и надо держаться за ветки.

Это была моя тайна.

Не потому, что кто-то запрещал. Просто когда у ребёнка есть место, о котором не знают взрослые, он становится немножко хозяином своей жизни.

. . .

В городке было тридцать домов, и в каждом жил кто-нибудь, кого я помнил по прошлым годам.

В доме с зелёной крышей жил старик, который каждый день выходил к воде и стоял на мостках, ничего не делая. Он стоял час, потом уходил. В доме с колодцем жила женщина с двумя сыновьями, и они вечно что-то чинили, и у них всегда лежали на земле доски. В доме у поворота жил человек, который держал пчёл, и его ульи стояли на самом солнце, и над ними всё время гудело.

Все эти люди знали друг друга. Все здоровались. Все спрашивали, как дела, и выслушивали ответ.

В городе так не бывает.

В городе человек живёт в доме, где соседа знают по звуку воды в трубе, и не знают, как его зовут.

. . .

Вечером в день приезда я стоял на веранде и смотрел, как темнеет.

Озеро сначала стало розовым, потом серым, потом его не стало — только чёрное пятно между деревьями. Над водой поднимался туман, тонкий, как дым от сигареты. Где-то в лесу крикнула птица, и ей никто не ответил.

Из дома вышла мама с полотенцем на плече.

— Ты чего тут стоишь?

— Смотрю.

— Насмотришься ещё. — Она встала рядом и тоже посмотрела. — Знаешь, я тебе скажу одну вещь.

— Какую?

— Ты весь год был как выжатый. — Она не повернулась. — Не перебивай меня. Я знаю, что ты скажешь: работа, дела, всё нормально. Ты почернел. У тебя глаза, как у человека, который ест, но не наедается.

— Мам.

— Вот я и говорю. — Она вытерла руки о полотенце. — Поживи тут. Подыши. Может, что и наладится.

— А если не наладится?

Она посмотрела на меня.

— Тогда хотя бы отдохнёшь, — сказала она. — Это тоже не мало.

И ушла в дом.

Я ещё постоял.

Над водой гасли последние полосы света, и туман стал плотнее, и от него пахло холодом и рыбой.

Я тогда подумал: может быть, действительно просто отдохну.

Через две недели я стоял на этом же месте и думал о том, что в моей жизни появилось нечто, от чего мне теперь не отделаться.

Глава 5. Мама

Мама моя — человек, который всё замечает и ничего не говорит.

Она встретила нас на веранде с двумя тарелками в руках, посмотрела на Лею, потом на меня, потом опять на Лею, и сказала:

— Обед стынет.

И всё.

Потом, когда Лея ушла переодеваться, мама поймала меня на кухне за локоть.

— Хорошая, — сказала она.

— Ты её один день знаешь.

— Мне хватило. — Она поставила кастрюлю. — Ты вот что. Не спугни.

— Как это?

— Обыкновенно. — Она вытерла руки. — Человек, который умеет что-то по-настоящему, пугается, когда его начинают сильно хотеть. Потому что тогда оказывается, что ты хочешь не его, а то, что он делает.

Я тогда не понял.

Я понял это через четыре года, в Германии, когда Лея сказала мне: «Ты пришёл и увидел женщину, которая танцует. А я — вот она».

Мама всё знала заранее. Она всегда всё знала заранее и никогда не мешала.

. . .

Мама любила готовить.

Не «умела» — это другое. Она именно любила: вставала в шесть, чтобы к девяти уже стоял пирог, и никогда не пользовалась весами, и всегда получалось. По её словам, любое блюдо, к которому она прикасалась, выходило изысканным.

Она не была доброй в том смысле, в каком добрыми бывают на картинках. Она была точной. Могла сказать человеку в лицо всё, что о нём думает, и тот уходил довольный.

И была у неё одна особенность: она любила чужих детей больше всех на свете. Соседские, дворовые, племянники, дети в поездах — она вступала с ними в разговор на любую тему, и они потом долго махали ей рукой.

С Леей она сошлась за один вечер.

Я до сих пор не понимаю, как это произошло. Я вышел на веранду и увидел, что они сидят вдвоём над кастрюлей, и мама что-то объясняет, а Лея кивает с таким лицом, будто ей объясняют устройство мира.

— Твоя мама учит меня варить варенье, — сказала она мне потом. — Она сказала, что это в руках, а не в голове.

— Это правда?

— Не знаю. Но звучит как правда.

Глава 6. Отец

Мой отец был врачом.

Не просто врачом — хирургом, и хорошим, тем, к которому приходят, когда другие отказались. Он проработал в одной и той же больнице тридцать лет и ни разу не говорил об этом как о подвиге.

Он был добрым, справедливым, строгим и заботливым одновременно, и это не противоречие: строгость его была не злой, а очень внимательной. Он никогда меня не наказывал. Хмурился, уходил в кабинет, потом выходил и говорил:

— Расскажи, почему ты так сделал.

И я рассказывал.

Иногда я врал. Он это слышал и не спорил, просто ждал неделю, потом спрашивал то же самое снова, и на третий раз я говорил правду.

. . .

Каждый вечер, когда я был маленьким, он читал мне вслух свои истории из медицины.

Это была не литература — записи, короткие, корявые, сделанные ему в голову между операциями. Про то, как привезли мальчика, который проглотил шарик. Про то, как женщина шестьдесят лет не говорила, и когда в палату привезли её брата из другого города, она заговорила. Про то, как один старик просил не спасать его, а спасти соседа по палате, у которого было четверо детей.

Я просил записывать это специально для меня. Он записывал и потом читал, и лежал рядом, пока я не усну.

Я засыпал не от скучных историй — наоборот, они были интереснее всего на свете. Я засыпал от того, что рядом был человек, который никуда не торопился.

. . .

Он очень хотел, чтобы я стал врачом.

Он никогда этого не говорил прямо. Он говорил иначе:

— Хорошая профессия.

— Да, пап.

— Надёжная.

— Да.

Он, наверное, месяцы репетировал разговор и так и не начал.

Когда я подал документы на юридический, он молчал три дня. На четвёртый пришёл ко мне и сказал:

— Ну, значит, так.

И только когда я получил диплом, он сиял так, что мама потом его успокаивала.

Он, наверное, думал: если сын не будет лечить руками, пусть помогает другим способом.

Так и вышло.

. . .

Что он умел делать по-настоящему хорошо — так это молчать рядом.

Когда мне было плохо, он не говорил «не расстраивайся» и не рассказывал, как у кого-то хуже. Он садился рядом и молчал.

Однажды, когда мне было тринадцать и я провалил что-то школьное, сказал только:

— Всё вокруг нас и есть красота. Надо только её увидеть.

Тогда мне это показалось глупостью.

Теперь я думаю, что это было самое практичное, что мне кто-либо говорил.

. . .

Двадцать два

Мне было двадцать два, и это важно понимать.

Не потому, что восемнадцать — это глупо. А потому, что в восемнадцать всё, что ты чувствуешь, кажется единственно возможным. Ты не знаешь простой вещи: что люди чувствуют разное и называют это одними словами, и что любовь — это не то, что с тобой происходит, а то, что ты с этим делаешь.

Я этого не знал.

Я думал, что если я чувствую сильно, то и она чувствует так же сильно. Я думал, что сильное чувство — само по себе доказательство, и что если оно настоящее, то всё как-нибудь устроится.

Это ошибка всех восемнадцатилетних, и она простительна.

Проблема в том, что эта ошибка была не только у меня, и что расплата за неё оказалась общей.

Глава 7. Как я дал ей имя

День был солнечный, тёплый, но стояла невыносимо жаркая погода.

Утром я спустился, и мы позавтракали вдвоём с матерью — отец ушёл в посёлок за керосином. Мама ела и смотрела на меня так, будто всё про меня знала ещё со вчера.

— Ну как тебе соседи? — спросила она наконец.

— Хорошие.

— А дочка?

— Мам.

— Что «мам». Я спросила.

— Она уедет через неделю, — сказал я.

Мама положила ложку.

— Сынок, — сказала она. — Все уезжают. Это не причина стоять.

Она встала и ушла в сад.

А я потом сидел на веранде и ждал двенадцати.

Мы отошли от дома и шли по лесной чаще прогулочным шагом, не сказав друг другу ни слова.

Неловкое молчание начало меня смущать. Я не решался сделать первый шаг — мне казалось, что я всё испорчу одним неверным словом или просто смогу её смутить. Эта уверенность в собственной неуверенности начинала бесить меня куда больше любой неловкости.

Иногда я поглядывал на неё. Она шла с улыбкой. Её лицо стало ещё красивее — волосы немного развевались под лёгким дуновением ветра, и лучи солнца, которым всё-таки удавалось пробиться сквозь деревья, придавали её волосам золотистый оттенок, будто они были из золота.

Я мог бы вечно любоваться её природной красотой, не отрывая взгляда.

Потом она подняла глаза.

Наши взгляды встретились. Это непередаваемое ощущение: всё разом вспыхнуло во мне, сердце было готово выпрыгнуть, мурашки побежали по всему телу, руки начали слегка дрожать. Я выглядел как маленький мальчик, который влюбился в первый раз и не знает, что сказать.

И тут я услышал её голос — тихий, спокойный, с этой чуть хрипловатой нотой, которую я уже успел запомнить.

— Мне здесь нравится. Очень красивое место. Так спокойно, и рядом только природа. Даже мы с тобой так долго хранили эту тишину.

Я не знал, что ответить, хотя обычно находил слова в любой ситуации. Они нашлись сами, будто кто-то сидел внутри меня и подсказывал.

— Да, здесь очень красиво. Ещё в детстве я называл это место «уголком рая». Мне казалось, что я нахожусь в другом мире. Может, даже на другой планете. — Я помолчал и добавил: — Тут есть одно особенное место. Но о нём никто не знает.

— Покажешь его мне? — сказала она просто, глядя на меня своими большими и добрыми глазами.

Они всё так же покоряли меня и не отпускали из своей хватки.

— Немного позже. Сейчас там не так красиво, как будет ближе к вечеру.

Она кивнула, и я почувствовал уверенность в своих словах. И решил продолжить.

— Знаешь… ты так и не назвала своего имени. Но пусть это останется секретом. — Я смотрел не на неё, а на тропинку, потому что говорить такое, глядя в глаза, было выше моих сил. — Ты мне напоминаешь один цветок. Он такой же обворожительный и своевольный, его запах безупречен, пусть и с маленькой неприятной хитростью. Но это и не сравнить с его красотой. Я буду называть тебя Лея. Потому что Лилия — это не так нежно и не подходит к такой девушке, как ты.

Она молчала.

Я успел пожалеть обо всём.

Потом она сказала:

— Это очень красивое имя. Мне оно нравится. — И на её лице отчётливо выступили два красных румянца. — Спасибо. Ещё никто не говорил мне красивых слов.

— Тогда решено, — сказал я, улыбаясь во весь рот от счастья, и сам удивился, как легко это вышло. — Ты Лея. Так буду называть тебя только я.

Мы пошли дальше и проговорили весь день.

Она оказалась не такой, какой я её представлял на веранде. На веранде она была спокойной до тишины, а здесь — живой: перебивала меня, сердилась, когда я говорил что-то глупое, и смеялась так, что я вздрагивал.

Она рассказывала про город, из которого приехала, про свою маму, про то, как в детстве боялась темноты и до сих пор встаёт ночью проверить, закрыта ли дверь. Я рассказывал про книги, которые читал в этом году, и в какой-то момент понял, что первый раз в жизни рассказываю о них кому-то, кто не делает вид, что слушает.

Солнце стало опускаться. Тропинка вывела нас на край леса, откуда был виден весь берег.

— Мне понравилось, — сказала она, глядя вниз. — Даже очень.

— Вечером я покажу тебе то место, — сказал я. — Приходи к колодцу часов в семь. Я буду ждать.

Она посмотрела на меня.

— Приду, — сказала она.

И пошла вниз, к дому, а я ещё долго стоял на краю леса и смотрел ей вслед.

. . .

Так было положено начало нашей истории и первого знакомства, которое на всю жизнь отложилось у меня внутри. Я помню до сих пор, будто это было вчера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОГОНЬ

Глава 8. Уголок рая

К семи я был у колодца.

Пришёл раньше на двадцать минут и все эти двадцать минут не знал, куда девать руки. Потом сел на камень у колодца и стал смотреть на дорожку.

Вечер был хорош как никогда.

Мама приготовила лазанью по своему фирменному рецепту — а для мужской половины ещё и свинину «по-французски», — и весь дом пах так, что я дважды заходил на кухню и дважды получал по рукам. Отец с самого утра разжёг камин, хотя в июне он был ни к чему, но отец любил возиться с огнём и находил для этого любой повод. Кресла вынесли на веранду, стулья принесли из комнат, чтобы всем было свободно сидеть.

Я помог разложить всё, поднялся к себе, надел свою любимую клетчатую рубашку — ту, у которой воротник немного отходил в сторону, — и спустился было вниз.

А потом мама тронула меня за плечо:

— Иди посиди. Ты весь день на ногах.

Я и пошёл. На балкон второго этажа, где стояло старое кресло, и укрылся пледом, чтобы просто посидеть и продумать то, что скажу ей вечером.

Вечер должен был быть особенным. Я собирался признаться — открыто, честно, без этих дурацких намёков, на которые я уже потратил весь день. Волнение накрывало меня так, что я начал вслух проговаривать слова, которыми собирался это сказать.

Мысли почему-то тут же смешались и разбежались.

И я не заметил, как уснул.

Снился мне дурной сон.

Мы с Леей гуляли по лесу — по тому самому, по которому мы сегодня шли, — и ничего особенного в этом не было. Мы смеялись, разговаривали о разном, солнце светило сквозь деревья, всё шло как обычно. Момент был благоприятный, чтобы сказать ей всё: как я её люблю, и что не вижу дальнейшей жизни без неё.

А потом обстановка резко переменилась.

Мы оказались в каком-то доме. Вокруг темно, горят только пара ламп. Мрачная обстановка сгущалась, напряжение росло. Я не знал, что происходит, но интуиция подсказывала: беда не за горами. Внутри меня всё кричало, пыталось предупредить, умоляло взять Лею за руку и бежать отсюда.

Я не мог ничего сделать. Что-то не давало мне шевельнуться, и я стоял как вкопанный.

Единственное, что удалось, — через силу схватить её за руку и не отпускать.

И тут я понял, что её рука холодная.

Не прохладная — холодная. Я сжал крепче, и холод не ушёл. Кожа была не такая нежная и гладкая, как всегда, а шершавая, будто потрёпанная временем. Страх стал потихоньку овладевать мной.

Мне было страшно поднять глаза выше и увидеть её лицо. Я надеялся, что оно осталось прежним.

Я заставил себя.

И страх овладел мной ещё сильнее.

Там, где раньше сверкали красивые голубые глаза, теперь стояли серые оболочки. Безжизненные, неподвижные зрачки смотрели на меня, и в них не было ничего, кроме пустоты. Будто в один миг всё умерло вокруг. Никаких эмоций они не отражали — Лея просто смотрела сквозь меня.

Я уткнулся лбом ей в колени и заплакал.

Слёзы текли ручьём. Было так больно, что я не понимал, как это можно вынести. Она не отзывалась на мои просьбы, не реагировала на меня. Просто стояла рядом, как манекен, и ничего большего.

Так прошло неизвестно сколько времени — для меня это была бесконечность.

И тогда я почувствовал, как её рука медленно и плавно проводит по моим волосам.

Я не поверил. Продолжал плакать.

Вдруг почувствовалась прежняя теплота от её рук. Я узнал ту самую нежность Леи. Но в то же время всё происходило очень странно: движения были как прежде, а казалось, что делает это не она, а кто-то другой, чужой.

Постепенно я чувствовал, как её руки плавно отрывают мою голову от колен и поднимают её. Взгляд поднимался выше, выше — пока я не увидел их.

Наши взгляды встретились, как в нашу первую встречу. Между нами пролетела та самая искра, от которой вспыхнул огонь в наших сердцах. Те же глаза смотрели на меня — те, в которые я влюбился. Два звёздных огонька, открывшие для меня иной мир, в который есть одна дорога и для одного человека, а именно для меня.

— Это ты во всём виноват, — неожиданно сказала она шёпотом.

Эти слова ошеломили меня так, что я не поверил: Лея не могла такого сказать.

— Лея, о чём ты? В чём моя вина? Милая, чем я тебя обидел? — Голос срывался и стал походить на звуки животного, которого режут заживо. — Скажи, что не так? Я всё исправлю. Прости, если что-то сделал неправильно. Я просто безумно тебя люблю. Пусть знакомство наше длится недолго, но ты для меня всё. Слышишь меня? Лея…

Ответа не было.

Гробовая тишина стояла в доме.

Прошла минута. Ещё одна.

И вот она наклонилась к самому уху и прошептала:

— Ты убил меня.

Её глаза померкли и стали снова серыми и холодными. Рука, которую я держал, постепенно отпускала меня, выскальзывая из мёртвой хватки, словно змея. Она отдалялась, с каждым шагом удаляясь всё дальше и дальше, пока вовсе не исчезла.

Моё сердце раскололось на множество осколков.

На мгновение я перестал дышать, потому что было так трудно, что нехватка воздуха приводила к головокружению. Но это была такая мелочь по сравнению с тем, что творилось внутри.

Всё умерло во мне. Остался только мрак: огонь, который поддерживала Лея, потух.

Горечь была такой невыносимой, что я просто кричал. Кричал и не понимал, за что так со мной.

Её слова эхом бродили в моей голове. Это была пытка, а надзиратель с радостью наслаждался моим страданием и продолжал терзать сердце, повторяя снова и снова эти слова.

Кругом ни души. Остался только я один и мрак, который царил рядом и во мне.

. . .

Я проснулся от холода.

Темнота вокруг, и первая мысль была: а вдруг это не сон?

Вдруг это происходит наяву. Вдруг всё это правда — для меня это обернулось бы трагедией, убившей душу и вместе с ней тело.

Свежий ветерок пробежал по всему телу, от него пошли мурашки. Сквозь сонное состояние слышались непонятные звуки из глубины леса. Тихий шелест хвои создавал особый звук, и от него стало легче — он словно вернул меня к жизни.

Я понял, что просто спал.

Но осадок остался. Он больше никуда не денется. Он будет всю жизнь преследовать меня, напоминать, терзать. Это был настоящий страх — тот, из-за которого человек мучается, остаётся неуверенным в себе очень долго и в итоге сам, не подозревая того, приводит этот страх в исполнение.

Я открыл глаза.

Солнце стояло уже на горизонте. Ярко-алые облака означали, что время суток меняется, что идёт привычный для них ритуал, повторяющийся так долго, что он уже не имеет ни начала, ни конца.

Пока я спал, в доме уже все собрались.

Не хотелось спускаться.

Передо мной был другой мир, в котором всё по-другому. Никто и представить себе не мог, что они упускают, теряя частички своего времени на другие дела — может, и немаловажные, а может, и вовсе ненужные. Решать каждому.

В голове некстати всплыло детство: как отец укладывал меня спать и всегда говорил одно и то же.

— Сынок, скоро ты вырастешь, — говорил он, поправляя одеяло, — и поймёшь, что всё вокруг нас и есть красота. Надо только её увидеть.

Тогда я не понимал. Сейчас понял лучше, чем хотел.

Я встал, умылся холодной водой, надел клетчатую рубашку и пошёл вниз.

. . .

Все уже сидели на веранде.

Отец Леи сидел на своём месте, прямо, как на плацу, и в его осанке не было ни капли напряжения — только многолетняя привычка. Его жена держала чашку обеими руками и улыбалась чему-то своему.

А Лея сидела с краю.

И лицо у неё было другое.

Будто ей надели маску уныния и разочарования. Она смотрела в стол и слушала разговор взрослых с полным отсутствием интереса, со скукой и небольшим разочарованием в этом вечере. Всё это скрывалось за той самой маской.

Я спустился на последнюю ступеньку.

И маска исчезла.

Стоило мне появиться, как она сменилась лучезарной улыбкой и сиянием её милого лица. Глаза загорелись диким пламенем, дыхание немного участилось — чувствовалось, что она пылает, вся горит. Проснулось то самое влечение ко мне.

Я сам при одном её взгляде вспыхнул. Внутри всё горело, сердце билось с такой быстротой, что казалось, будто оно выпрыгнет наружу. Небольшая дрожь прошла по всему телу.

Чувства фонтаном били из меня — приятные, согревающие, они кружили голову и, если выразиться по-другому, одурманивали.

Ты нашёл ту самую половинку. Дополнение себя.

— Простите меня за столь некрасивое поведение, — сказал я, усаживаясь. — Просто немного утомился за день. Думаю, вы меня понимаете: резкая смена обстановки, свежий воздух плюс время в дороге.

— Ничего страшного, — ответил отец Леи. — Присаживайся и давай вливаться в наш разговор. Будет очень интересно узнать тебя поближе.

В доме царил уют. Оживлённые разговоры о работе, об интересных случаях из жизни — всё это придавало нашему ужину только ярких впечатлений. Все с улыбками на лицах, никаких преград в общении, ни ссор, никакого негатива — только интерес и уважение.

Из разговоров я узнал про Лею больше.

Она участвовала в международных соревнованиях по танцам. С детства занималась этим — и для неё это было всем. Больше удовольствия, чем от танцев, она не получала ни от чего. Сейчас они с родителями в связи с каникулами решили отдохнуть на природе, потому что постоянные перелёты выматывают.

Они очень гордились ею. Она подавала большие надежды в танцах и поступила в один из престижных университетов Германии.

Что касалось её внутренних качеств — она была воспитанной, без глупости и пошлости. По разговору было ясно, что она не сидит дома, но и не развлекается со сверстниками до утра. Одним словом, Лея — обыкновенная девушка со своими увлечениями.

Но для меня она была особенная.

Вся её индивидуальность и красота открывались в полной мере только для меня. Это мог видеть только я — всю прелесть этого человека, ценить и восхищаться ею. Никто другой не понял бы меня, а я знаю, что хранится внутри Леи.

Мне понемногу стал надоедать этот круг общения. Не поймите неправильно — в хорошем смысле. Я любил разговаривать со старшими, но всё же чувствовал себя не в своей тарелке, особенно когда рядом девушка твоей мечты, которой хочется отдавать внимание полностью, а не на пустые разговоры.

Поэтому я наклонился к её уху и шепнул:

— Пойдём наверх. Я покажу тебе одно место.

Глава 9. Лев

Мы поднялись на второй этаж не спеша.

Я немного переживал, потому что это была первая наша встреча в такой — можно даже сказать — интимной обстановке. Переживание ведь нормальное психологическое состояние: оно означает, что тебе не всё равно и что внутри ты сильно боишься, что всё пойдёт не так. Люди переживают за кого-то, думая, что может что-то произойти.

Множество нервов губится из-за этого состояния. Но что в нём плохого? Через переживание мы проявляем заботу о близком человеке, мы не хотим его терять, даже если очень злы или обижены.

Так же и в любовных историях: боязнь потерять или сделать что-то не так. Оно мотивирует нас и показывает истинное отношение к человеку.

Дверь я открыл первым и пропустил её вперёд.

Лея вошла и первым делом остановилась.

На стене висела картина — та самая, которую я в первый день принял за рыбу, а потом разглядел. Лев. Написанный маслом, грубо, но с такой любовью, что от него невозможно было отвести взгляд.

Она подошла ближе и тихонько повела рукой по полотну — не касаясь, на расстоянии в палец.

— Билли, это очень красивая картина. Не знаю, но у меня странное чувство. — Она помолчала. — Знаешь, когда я смотрю на неё, на контуры и мазки кисточки, то представляю, как человек, рисовавший её, относится к тебе. Кто её нарисовал?

— Бабушка, — сказал я. — Она умерла уже лет десять назад.

— Прости меня. Я не хотела тебе напоминать об этом.

Она плавно взяла меня за руку. Её пальцы были тёплые и сухие.

— Знаешь, глядя на неё, я вижу черты твоего лица, — сказала Лея. — На картине изображён ты, но только в облике животного. Да ещё и какого. Лев — царь зверей.

Я не нашёлся что сказать сразу, потому что она попала точно.

Бабушка писала эту картину последней зимой своей жизни, когда уже почти не вставала. Она рисовала меня по памяти — мне тогда было восемь, и я, по её словам, был совершенно невыносим: дрался с подушкой, объявлял войну пылесосу и требовал, чтобы его называли не иначе как «ваше величество». Она смеялась и говорила, что из меня выйдет либо царь, либо большой шум. А потом взяла кисть.

Я тогда не понимал, что она прощается.

Теперь понимаю.

— После первой нашей прогулки, — сказала Лея, — мне не показалось, что ты испытываешь ко мне именно те чувства, которые испытываю я. Позволь мне открыться для твоих глаз.

Она повернулась ко мне.

— Я хочу, чтобы ты знал. — Голос у неё был ровный, но она говорила быстрее, чем обычно. — Я не из тех, кто разбрасывается словами. У меня в жизни есть одно дело, и оно отнимает почти всё. Танцы. Я встаю в шесть, я не ем сладкого, я не гуляю ночами, потому что завтра у меня станок. И всё это не имеет никакого смысла, если рядом нет человека, ради которого ты это делаешь. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я.

— Тогда скажи что-нибудь.

— Я думал об этом весь день, — сказал я честно. — Приготовил целую речь. Проговорил её вслух, пока ехал сюда. И сейчас ни одного слова не помню.

Она рассмеялась — негромко, но так, что у меня внутри всё повернулось.

— Тогда не говори, — сказала она. — Покажи.

. . .

Я взял её за руку и вывел из дома.

Мы шли по тропинке между сосен, и темнело быстро, как темнеет только в лесу — не постепенно, а сразу, будто кто-то опустил занавес. Лес начал жить своей, другой жизнью. Пение дневных птиц сменилось звуками ночных обитателей, которые по-своему были красивы. Слышался стрекот насекомых и другой лесной живности, порой с другой стороны озера доносился рёв медведей и вой волков.

Сосны и ели по-прежнему величаво стояли на страже лесного королевства, защищая тех обитателей, которые не могли найти укрытия от ночных хищников. Давая им шанс прожить ещё одну ночь, подарив немного времени, чтобы насладиться своей короткой жизнью.

В природе каждый знает своё время и место, которое дано ему с самого рождения.

Одна красота природы потихоньку сменяла другую.

Мы вышли на песчаный берег.

Она остановилась и долго ничего не говорила.

Озеро лежало перед нами, и в нём отражалось всё: сосны, горы, первые звёзды, тонкая полоска неба цвета остывшего металла. Вода была такая гладкая, что не было видно, где кончается берег и начинается отражение.

— Вот, — сказал я. — Уголок рая.

— Да, — сказала она наконец. — Именно так.

Мы сели на песок. Я снял куртку и подложил ей, и она села на неё, а я рядом, на холодный песок, и не почувствовал холода.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она.

— Что?

— Всё равно. Ты умеешь говорить.

Я рассказал ей про лодку, про то, как утром выплывал на середину и отпускал вёсла. Про то, как однажды уснул в лодке и проснулся оттого, что она ткнулась в камыши, и как испугался, потому что рядом никого не было и я не сразу понял, где нахожусь.

Она слушала, подперев голову рукой, и в темноте я видел только её профиль и то, как двигаются губы.

— А теперь ты расскажи, — сказал я. — Про танцы.

И она рассказала.

Она говорила о теле так, как другие говорят о инструменте: с уважением без нежности и с нежностью без умиления. О том, что тело всегда врёт только тем, кто его не слушает. О том, что в четырнадцать лет она плакала в раздевалке от боли в стопе и думала, что всё кончено,

а наставница сказала ей только: «Забинтуй и иди». О том, что самое трудное — не прыжок, а пауза перед ним, когда зал затихает и ты стоишь, и всё зависит от того, сумеешь ли ты вдохнуть.

— А ты? — спросила она. — Ты когда-нибудь так стоял?

— Стою, — сказал я. — Прямо сейчас.

Она повернула голову.

И я поцеловал её.

Глава 10. Огонь

Это был короткий, неловкий поцелуй — я попал не туда, куда целился, и она тихо засмеялась мне в губы.

Потом положила ладонь мне на затылок и поцеловала сама.

И с этого момента всё стало другим.

Я не знаю, сколько это длилось. Наверное, долго. Достаточно долго, чтобы песок под нами стал холодным, а вода — почти чёрной. Мы целовались, отстранялись, смотрели друг на друга и снова начинали, как люди, которые не могут поверить, что это им можно.

Её волосы пахли цветами. Не духами — именно цветами, теми простыми, которые растут у заборов и которые никто не замечает, пока не подойдёшь вплотную. Я запомнил этот запах на много лет вперёд. Я узнавал его потом на улицах, в вагонах, в чужих квартирах, и каждый раз на секунду терялся.

Она положила голову мне на плечо.

— Мне холодно, — сказала она.

— Пойдём в дом.

— Не хочу. Хочу здесь.

Я накинул на нас куртку. Она прижалась ближе, и я почувствовал, как её трясёт — не от холода, от чего-то другого.

— Билли, — сказала она очень тихо. — Я никогда… — Она запнулась. — Я не знаю, как это делается. В танцах я знаю всё. А тут ничего.

— Я тоже ничего не знаю, — сказал я.

— Врёшь.

— Просто говорю это, чтобы тебе было спокойнее.

Она тихо улыбнулась и ударила меня кулаком в плечо, и это было так неожиданно и так по-настоящему, что я тоже засмеялся, и мы ещё долго смеялись там, на песке, в темноте, как два дурака.

А потом она подняла голову, и её глаза были очень близко, и в них был тот самый лукавый блеск, от которого у меня перехватило дыхание.

— Идём, — сказала она.

. . .

Дом спал.

Мы поднялись по лестнице на цыпочках, и я наступил на пятую ступеньку, которая скрипела всегда, и мы замерли оба, прижавшись к перилам, и ждали так долго, что стало смешно. Внизу кто-то ходил по кухне, звенела посуда, тихо говорила вода.

Потом всё стихло.

Дверь моей комнаты закрылась с очень тихим стуком.

Комната была почти тёмная — только окно светилось тем серым, каким бывает небо над озером ночью. Я не зажигал лампу. Она тоже не просила.

Мы стояли друг напротив друга, и я слышал, как она дышит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.